

В.Н. Ильин

Проблема перехода прихожан из официального православия в старообрядчество на территории Томской губернии в XIX в.

Главная задача представителей светских и церковных властей на местах в «борьбе с расколом» состояла в пресечении перехода из официального православия в старообрядчество, так как естественным образом подобный процесс способствовал «распространению и усилению раскола». Российское законодательство не признавало подобную смену вероисповедания правомерной. В официальных документах данный факт характеризовался как «уклонение в раскол». Часто применялась также следующая формулировка: «отступление от православной веры в старообрядческую секту», «сворачивание в раскол», «погибель в сетях раскола». Данная терминология четко выражает противопоставление «официальное православие – старообрядчество», характеризуя официальную церковь носителем «чистого» православия, а старообрядческую ветвь как сектантство, обосновывая тем самым недопустимость перехода в староверие.

Сам по себе факт перехода из государственного православия в старообрядчество для церковных властей означал в определенной степени потерю авторитета их религии как первенствующей и господствующей в России, обеспечивающей духовное и идеологическое воспитание верных подданных самодержавной имперской власти и способствующей проведению ее внутривластного курса. Для самих служителей это был удар по их ревностному самолюбию и материальному благополучию. Для местных светских властей высокие статистические показатели по росту числа старообрядцев могли служить примером несоответствия их компетенции в решении государственных проблем вообще и «старообрядческой» в частности. Поэтому местные светские и церковные власти стремились не допустить массовых переходов православных никониан в старообрядчество, используя для этого всевозможные методы. В средствах массовой информации, отчетных докладах, изданиях и церковной литературе активно и с нескрываемым пафосом публиковались данные об обращении «заблуждающихся» (т.е. старообрядцев) в православие (т.е. в религию государственной церкви). Для церковнослужителей число обращенных «из раскола в православие» служило определенным показателем «качества» их миссионерской деятельности, т.е. работы в целом. Вместе с тем данные о числе «уклонившихся в раскол» были реально занижены, или не указывались вообще. Например, в губернском ежегодном отчетном издании «Обзор

Томской Губернии за 1882 г.» написано: «Случаев уклонения из православия или единоверия в раскол не было» [1, с. 29]. При этом только в фонде Томской Духовной Консистории Государственного Архива Томской Области за восьмидесятилетие отмечено 50 дел по факту «уклонения в раскол» как такового (в счет не берутся дела об изъятии старообрядческих книг, о закрытии и самовольном «распечатывании» старообрядческих часовен и молелен, о «расколоучителях» и «сводных браках», исполнении духовных обрядов по староверию и т.д. Ежегодно обнаруживали сотни фактов «уклонения православных в старообрядчество»). Стоит отметить, что подобные дела отражают случаи не единичного отступления от официальной церкви, а массового. Очень часто переход из казенного православия в старообрядчество официально числившихся никонианами документально оформлялся не как «уклонение в раскол», а как «не бывание у исповеди» или «не исполнение правил Св. церкви». Вероятно, подобная «математика» была удобна для официальной отчетности и при составлении статистических данных, на деле же местные власти констатировали увеличение числа «раскольников» и случаев «уклонения», особенно во вторую половину XIX столетия, с изданием законов от 1874 и 1883 гг. [2, с. 19–20]. Об этом писалось, например, в периодическом издании «Неделя»: «В Бийском округе полиция жалуется, что она не может сладить с развивающимся расколом» [3, с. 1236]. На это же указывали представители противораскольнического Братства: «Раскол в нашей епархии гораздо сильнее, чем предполагалось в прежние годы. ... В 50-е гг. все жители д. Солоновки Бийского округа были представителями официального православия. К концу 80-х гг. «раскол» в этой деревне достиг такой силы, что была открыта «раскольническая молельня» [4, с. 3–4, 6]. Или «Во многих приходах в среде православного населения замечается охлаждение к церкви. Многие уже вошли прошениями к подлежащей власти о даровании им права открыто отправлять богослужение по старому чину» [5, с. 26–28]. О частых случаях перехода никониан в старообрядчество можно судить и по судебным данным: «Судебные учреждения Томской губернии были завалены делами о сворачиваниях в раскол» [6, с. 1108]. Факт частых массовых переходов из никонианства в старообрядчество подтверждают также рапорты церковнослужителей епархиальным властям. В 1868 г., например, Томскому епископу

Алексию от церковнослужителей елбанской Вознесенской церкви Бийского округа поступил рапорт: «4 апреля мы прибыли со Св. Иконами в деревню нашего прихода Нижне-Озерную. Кроме десяти домохозяев, остальные общественники этой деревни отказались от принятия в дома свои Св. Икон и служения молебнов и на вопрос наш о причинах этого объявили, что все общественники этой деревни не желают принадлежать к Православной вере (мужска пола 176, женска 186 душ)». Аналогичный рапорт от имени причта с. Елбанского описал Д.Н. Беликов, который он датировал годом раньше: «Отправился я с иконами по приходским деревням Нижне-Озерной, Усть-Чарышской и Красноярской и в каждой из них от обывателей выслушал: не желаем принадлежать православию, а хотим следовать поморству». По утверждению исследователя, 1005 человек вышеприведенных селений вскоре подали чиновнику Мамонтову «отпорный от православия» [7, с. 166]. Кроме вышеописанных случаев, факты «уклонения в раскол» часто вскрывались при производстве следствия. Поводом для подозрения в «уклонении» могло служить также неисполнение церковных обязательств. Примером в данном случае служит рапорт от церковнослужителей Вознесенской церкви с. Елбанского Бийского округа в Алтайское Горное Правление от 1857 г., в котором сообщалось, что из 381 заводского рабочего данного прихода только 29 человек за последние два года бывали у исповеди и причастия. С «уклонявшимися» проводились беседы, «к которым те остались глухи», из чего церковники сделали вывод, «что большая часть их придерживается раскола, а некоторые совершенно раскольники».

Прежде чем выяснить причины «уклонения», следует разобраться в том, какой смысл был вложен официальной церковно-правительственной стороной в понятия «уклонение в раскол» и «старообрядчество – старообрядцы». Само по себе старообрядчество – как ветвь русского православия – ни юридически, ни богословски не признавалось. По твердому убеждению представителей государственного аппарата власти, именно старообрядцы отпали, уклонились, откололись от православия. Не признавая новой казенной церкви, старообрядцы, по официальному мнению, автоматически попадали под понятия «сектанты», «ересь». Старообрядчество как религиозное направление, таким образом, в рамках российского государственного стереотипа представляло из себя не что иное, как «ересь», «секту», «раскол», «заразу» или «болезнь». Уклонившиеся в старообрядчество, по государственному мнению, были «заражены расколом», как тяжелой болезнью, лечением от которой мог быть лишь обратный переход – от старообрядчества в новую государственную религию. «Вакциной» против этой «инфекции» служил государственный репрессивно-полицейский комплекс. Таким образом,

«раскольники» рассматривались государством как православные-никониане, которые якобы «лишь по невежеству своему откололись от православия», т.е. «уклонились в раскол». Задача официального церковно-правительственного лагеря состояла во «вразумлении и убеждении их оставить свое заблуждение». По отношению же к противникам подобной идеологической установки применялись меры истребительного характера. Российское самодержавие принципиально придерживалось данной позиции, не признавая факта существования староверия как религиозного течения или конфессионального явления. Поэтому, из чувства элементарного самосохранения, сторонники «древлего благочестия» были вынуждены добровольно (либо под действием силы, против собственного желания) документально оформиться представителями никонианской церкви и иногда пользоваться ее услугами. (Впервые старообрядцы условно были признаны при отсутствии каких-либо прав, и официально зарегистрированы лишь как «раскольники» с условием обложения их Петром I дополнительными налогами). О необходимости четкого определения в вопросе о «раскольниках» – являются ли они «заблудшими» никонианами, или все-таки стоит признать их представителями альтернативного религиозного направления – указывалось в газете «Неделя» за 1878 г.: «Раскольники признаются до сих пор «уклонившимися из православия в раскол» как будто уклонились они вчера, хотя их родословную можно считать с екатерининского времени» [3, с. 1236]. Об этой проблеме Д.Н. Беликов писал: «Необходимо заметить, что когда по нашим документам речь идет об отпадении от православия 100, 1000..., как например, при многочисленных ходатайствах о свободном следовании учению и обрядам старообрядчества, здесь уже заранее понятно, кого нужно разуместь под именем уклонившихся или уклоняющихся. Нужно иметь в виду православных по имени, а сердцем и душой, всем строем своей религиозной жизни издавна принадлежавших расколу» [7, с. 165]. Утверждение исследователя подтверждают данные протоколов судебных дел над старообрядцами. Например, крестьянин д. Ново-Повалихи Кунгурцев в 1866 г. пояснил судебным следователям, что родители его, многочисленные родственники и сам он, хотя крестились и венчались в никонианско-православной церкви, и в ней же иногда отпевали своих покойников, но «настоящим образом молились дома или в шипицинской старообрядческой часовне, – что в домашнем быту держались неуклонно по поморству даниловского согласия» [8, с. 8]. На допросе крестьянин д. Зевакиной Евстафий Шахов также показал, что «венчан и крещён был по православию, но исповедую веру старообрядческую, обрядов же православной церкви я никаких не исполняю со времён своей женитьбы». Кунгурцев и Шахов, таким образом, – типичные представители

так называемого тайного старообрядчества. В целях избежания уголовного преследования и решения важнейших гражданско-правовых вопросов (оформление актов бракосочетания, наследства, рождения и смерти) сторонники «древлего благочестия» были вынуждены прибегать к услугам официальной церкви. Вместе с тем фактически они продолжали быть старообрядцами, числившись никонианами лишь юридически. «Во многих следственных делах на одного старообрядца бывает открыто 3–4 лица, тайно принадлежащих к расколу», – констатировали епархиальные власти. В постановлении Бийского Земского суда от 30 декабря 1864 г. записано: «В Бийском округе есть много таковых лиц, которые по церковным и другим документам показаны православными, а на самом деле тайно принадлежат к расколу». На данную проблему неоднократно указывали и церковнослужители в своих рапортах. А. Беляев, например, в сентябре 1871 г. рапортовал епархиальному начальству: «В некоторых приходах церквей моего благочиния есть такие прихожане, кои называют себя старообрядцами, но коих на основании церковных документов и действующих законов нельзя считать таковыми». В своем рапорте от 1885 г. церковнослужитель И. Смирнов указал: «В числе прихожан есть очень много таких, которые считаются по документам православными, но придерживаются раскола». Церковнослужители Усть-Сосновской Николаевской церкви Кузнецкого округа Тарелинской волости в ежегодном отчете за 1885 г. отметили: «Коренных раскольников в приходе нет, а уклонившихся до 120 чел., число не точно, т.к. некоторые довольно долгое время скрывают свою принадлежность к расколу». В этом же году церковнослужители окуловской Вознесенской церкви представили следующие сведения: «В приходе коренных раскольников нет, но есть уклонившиеся в раскол – 242 чел.». Причт елбанской Вознесенской церкви сообщил, что в приходе указанной церкви «собственно раскольников нет, но уклонившихся в раскол имеется до 500 душ».

Итак, стоит определиться, кого подразумевали представители власти под термином «раскольник». Под данное понятие попадали так называемые явные старообрядцы, т.е. те, кто официально числился «раскольником», у кого родители были официально зарегистрированы как «раскольники», предки которых еще при Петре I легализовали свой статус. Законодательство XIX в. сделало невозможным продолжение их рода в старообрядчестве, поэтому основная часть старообрядцев по официальным документам значилась никонианами. Таким образом, в данном случае как такового перехода из официального православия в старообрядчество или «уклонения в раскол» не было. Однако государственная власть не могла признать того факта, что «раскольник», вступивший в официальное православие, по сути остался старообрядцем как и

прежде. Поэтому любое дальнейшее его обращение к старообрядчеству государственным аппаратом власти однозначно трактовалось как «уклонение в раскол», и казенная церковь при поддержке административного силового аппарата незамедлительно принимала меры по «вразумлению заблуждающихся». В данном случае имел место принцип противопоставления «старообрядец – уклонившийся в раскол». Исходя из сделанных выводов, стоит отметить, что логичней было бы под формулировкой «уклонение в раскол» подразумевать переход в старообрядчество представителей никонианства (или «мирских»). Данным заключением, однако, светские и церковные власти не руководствовались. По представлению официальной православной церкви, любой принявший ее таинство становился православным (т.е. никонианином), после чего ни он, ни его дети уже не имели права обращения к старообрядчеству. Однако даже «явные» старообрядцы синодальной церковью рассматривались как когда-то «уклонившиеся», обосновывая тем самым необходимость возвращения их «в лоно православной церкви».

Вместе с тем даже если не брать за факт так называемое уклонение в раскол так называемых тайных старообрядцев, то сама по себе проблема перехода из официального православия в старообрядчество для эпохи XIX в. на территории Томской губернии имела злободневный характер. Официальные статистические данные и судебно-следственные дела отмечают рост числа случаев реального «уклонения в раскол», т.е. обращение в старообрядчество никониан. Данному процессу способствовал целый ряд обстоятельств. Во-первых, сами церковнослужители отмечают малое количество казенных церквей на огромной территории губернии. «В степных захолустьях наших, по причине малого количества церквей, народ рождался, рос, старился и умирал вне церкви, и вне всякой религии. Иисусова молитва, да двуперстный крест – вот все, в чем заключалось религиозное достояние народа. Многие не видовали, что такое церковь, что в ней совершается кроме венчания и свадеб», – вспоминал церковник елбанской Вознесенской церкви о 30-х гг. «Православных храмов в Томской губернии было очень мало и деревни нередко отстояли от церквей на 20, 40, 50 и даже 300 верст, при том с разными преградами на пути, в виде рек, топей и таежников. Священнослужители иногда употребляли на объезде своего прихода до шести месяцев времени» [6, с. 1083]. О том, что священник физически не имел возможности частого посещения селений своего прихода, писал, например, миссионер С. Чиканцев: «...что они за православные, когда службу Божию слышат почти в год раз, и то она совершается скоро, чтобы успеть везде священнику и вовремя» [9, с. 82]. Статистические данные подтверждают данный факт. В 1859 г. в пределах Томской губернии находилось

2399 селений (города, села, деревни, не считая заводы и заимки. – *В.И.*). На них приходилось 210 церквей [10, с. 1–119]. Приход одной церкви, таким образом, включал в себя в среднем по 11 селений, из чего следует, что количество синодальных церквей действительно было малое, а территории приходов были огромные, что, по мнению казенных церковнослужителей, и «способствовало распространению раскола». Таким образом, отсутствие реальных возможностей для никониан исполнять обряды по условиям своей церкви служило причиной их обращения к старообрядчеству (старообрядческие часовни и требоисправители существовали практически в каждом селении, население которого в определенной степени было представлено староверами).

Вместе с малым количеством церквей отмечается острая нехватка ее служителей. Но даже среди немногочисленного штата церковнослужителей не все соответствовали занимаемой должности по уровню образования и морально-этическим нормам, что, естественно, служило не последним фактором, способствующим отчуждению от синодальной церкви ее прихожан. В записке о состоянии «томского раскола», представленной губернскому начальству чиновником особых поручений при губернаторе Юрченко, значится следующий пункт: «Способствуют усилению раскола и многие из православных священников своим несоответственным поведением и отсутствием образования» [7, с. 178]. В своем отчете за 1863 г. генерал-губернатор А.О. Дюгамель отметил: «Случаи уклонения крестьян в раскол из православия поддерживаются, между прочим, шаткостью нравственных начал в сельских священнослужителях». Не обошли эту проблему стороной и периодические издания тех лет: «Сельское духовенство в Западной Сибири далеко не стоит на высоте своей задачи... Поведение священников в селах не всегда безукоризненно, что при трезвых и чистых нравах старообрядцев составляет соблазн. Наконец многие священники требуют значительные суммы за свадьбы, иногда до 40 руб., что не располагает к церковным бракам и способствует развитию раскола. Вот где надобно поискать губернскому духовенству и начальству причины развития и прочности раскола» [3, с. 1236–1237]. Об этом писал и Д.Н. Беликов: «Со стороны представителей сибирской светской администрации и интеллигенции часто слышались жалобы и обвинения в том смысле, что томское духовенство недостойным поведением многих из своих членов и требованием высокой платы за требы, в особенности за браковенчания, способствует поддержке и усилению расколо-сектантства» [7, с. 177–178].

Вышеперечисленные обстоятельства – малое количество синодальных церквей, нехватка церковнослужителей, а часто и их непрофессионализм – служили объективной причиной недостатка «религиозного рвения», а то и просто равнодушия к религии со сто-

роны последователей официального православия, что естественным образом способствовало их приобщению к старообрядчеству. На это указывает и выдержка из сообщения церковника елбанской Вознесенской церкви «О раскольничьих сектах алтайского края»: «Население алтайского края состоит из раскольников поморской секты, частично польской, и из мирских (т.е. православных), мирские, если строго разобраться, тоже придерживаются с раскольниками одинаковых понятий о вере и нравственности».

Следующим обстоятельством, способствующим увеличению количества случаев перехода никониан в староверие, служил процесс увеличения числа старообрядцев. По мнению представителей томского духовенства и светских властей, старообрядцы сами по себе, со своими часовнями, а в особенности их активисты-наставники своей «религиозной проповедью» способствовали ослаблению позиций синодальной церкви и, как следствие, – «уклонению в раскол малодушных». К примеру, миссионер Алтайской духовной миссии церковнослужитель Н. Зырянов выражал беспокойство по поводу наличия старообрядцев в пределах его прихода: «...большую язву в приходе являют собой старообрядцы австрийского священства, которые увлекают православных в свои сети всякими неправдами». К 80-м гг. общее число томских старообрядцев (по данным противораскольнического Братства Димитрия митрополита Ростовского) составляло до 100000 чел. на миллион общего народонаселения [6, с. 1082; 5, с. 26–28]. Если учитывать малое количество синодальных церквей и не укомплектованность штата их служителей, как следствие этого слабость духовного воздействия на прихожан и контроля над ними, а также взять во внимание тот факт, что в слабозаселенном регионе никониане были просто вынуждены общаться со старообрядцами (которых, как мы уже отметили, было достаточно много, и по заключению современников, практически в каждом селении), как на бытовом, так и на родственном уровне, то переход многих никониан в старообрядчество в данном случае является вполне естественным явлением. Как видно из источников, часто переход в старообрядчество происходил при вступлении в брак со старообрядцами. «Постоянные сношения православных со старообрядцами при относительном обилии последних в крае – сношения по разным нуждам жизни и быта, частые родственные связи между теми и другими, устанавливаемые необходимостью брачных заключений в малонаселенной стране – причины распространения раскола», – подытожил Д.Н. Беликов [8, с. 5].

Данное заключение подтверждает также записка церковнослужителя Покровского епархиальному начальству о состоянии «раскола» в елбанском приходе Бийского округа, где утверждалось, что «Алтайский край почти сплошь раскольнический, что православные-никониане составляют здесь редкость, но и они

«заражены старообрядческой закваской» [8, с. 7]. В данном случае количество «уклонений в раскол» возрастает пропорционально количеству сторонников «старой веры».

Основным источником пополнения числа реальных староверов и так называемых уклоняющихся служил переселенческий процесс. «Переселенческое движение ежегодно дает Томской губернии не одну тысячу закоренелых и упорных раскольников. Например, в 1894 г. из 31 тыс. переселенцев (в алтайском округе) было 4 тыс. раскольников; в 1895 из 24 тыс. – 1,5; 1896 из 38 тыс. – 2,5» [11, с. 23]. Главным фактором, стимулирующим процесс переселения староверов в Томскую губернию, по мнению представителей светских и церковных властей, служила так называемая «свобода», которая якобы существовала в данном регионе вследствие слабости позиции здесь официального православия. Данную тенденцию отметили представители противораскольнического Братства: «Ряды старообрядцев особенно пополняются вновь приехавшими из России. Целые сотни раскольников разных сект ежегодно приезжают из губерний: Вятской, Пермской, Оренбургской и др., рассчитывая на свободу распространения своих учений» [12, с. 7]. По утверждению епархиальных властей, «Томская епархия представляет собою немало таких укромных мест, где раскольники могут проживать совершенно бесконтрольно, вдали от всякой опеки духовного и гражданского начальства» [13, с. 23]. Одно из таких «укромных мест», по их мнению, представлял собой Уймонский край, куда с середины XIX в. активно начали переселяться старообрядцы из других губерний (преимущественно из Вятской).

По глубокому убеждению церковника И. Смирнова, главным фактором, стимулирующим процесс «распространения раскола», т.е. перехода никониан в старообрядческую веру, была некоторая пассивность светских властей в этом вопросе. При этом он требовал усиления полицейско-репрессивных методов решения данной проблемы.

Стоит отметить еще один фактор, способствующий переходу никониан в старообрядчество, – отличительные качества, характеризующие старообрядцев как

представителей уникального социально-религиозного феномена (трудовая этика, глубокая религиозность, чувство общинности и т.д.). По нашему мнению, в проблеме перемены религиозной принадлежности данный аспект играл не менее важную роль, чем обстоятельства, представленные выше, может быть именно поэтому представители синодальной церкви на нем старались не делать акцент. Однако имеется ряд документов, подтверждающих наше утверждение. Так, С.Л. Чудновский, пересказывая беседу с церковнослужителем никонианской церкви с. Айского, кроме прочего отметил: «Относясь отрицательно к старообрядцам и хуля последних, Григорий все-таки подтверждает, что у них (старообрядцев. – В.И.) найдешь гораздо больше солидарности, взаимной помощи и общинности: «мирских», по его мнению, больше всего и вводит в соблазн эта именно солидарность, цементирующая старообрядцев» [14, с. 47–48]. Примером также может служить факт, представленный миссионером Алтайской духовной миссии: «К сожалению, православные д. Мотинской не отличаются ни миролюбием, ни сплоченностью между собой, отчего дела их плохо продвигаются вперед, тогда как раскольники отличаются замечательным единодушием, уже построили молитвенный дом, зовут православных... двоих, женатых на старообрядках православных они почти склонили в свое согласие» [9, с. 82].

Итак, государственный аппарат власти принципиально не признавал старообрядчество отдельным, самостоятельным вероисповеданием. Поэтому переход прихожан синодальной православной церкви в старообрядчество был недопустим, и однозначно расценивался как факт преступления. Вместе с тем несмотря на жесткую позицию государственных органов власти в этом вопросе, факты единичных и групповых обращений никониан в староверие имели тенденциозный характер. Данному процессу способствовал ряд факторов. Во-первых, слабость позиций синодальной церкви на территории Томской губернии. Во-вторых, родственно-бытовые отношения никониан со старообрядцами. В-третьих, высокий экономический потенциал старообрядческих общин.

Библиографический список

1. Обзор Томской губернии за 1882 г. – Томск, 1883.
2. Обзор Томской губернии за 1886 г. – Томск, 1887.
3. Гонения на раскол в Западной Сибири // Неделя. – 1878. – №38.
4. Отчет Братства Святого Димитрия Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887/8, четвертый отчетный год // Томские епархиальные ведомости. – 1889. – №3.
5. Обзор Томской губернии за 1887 г. – Томск, 1888.
6. Из истории раскола в Томской губернии в XIX в. // Исторический вестник. – СПб., 1901. – №6.
7. Беликов Д.Н. Томский раскол: (исторический очерк от 1835–1880 гг.) / Д.Н. Беликов // Известия Томского университета. – 1901. – Т. 18.
8. Беликов Д.Н. Томский раскол (исторический очерк от 1835–1880 гг.) / Д.Н. Беликов // Известия Томского университета. – 1900. – Т. 16.
9. Куприянова И.В. Старообрядцы предгорий Алтая в переписке миссионеров РПЦ (начало XX в.) / И.В. Куприянова // Старообрядчество: история и культура. – Барнаул, 2002. – Ч. 2.

ИСТОРИЯ

10. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. – СПб., 1868.

11. Раскол в Томской епархии в 1895–6 гг. // Томские епархиальные ведомости. – 1897. – №17.

12. Отчет Братства Томской епархии во имя Св. Димит-

рия митрополита Ростовского за 1890–91 г. – Томск, 1892.

13. Раскол в Томской епархии в 1895–6 гг. // Томские епархиальные ведомости. – 1897. – №17.

14. Чудновский С.Л. Раскольники на Алтае (выдержки из дневника) / С.Л. Чудновский // Северный вестник. – 1890.